

эссе, в котором уместны и спорные моменты, субъективные предпочтения. В конце концов, студентам предоставлена возможность познакомиться и с таким материалом, оценить его, выработать собственное к нему отношение.

Своим студентам мы в Магнитогорском университете будем горячо рекомендовать это пособие, и я уверен — не прогадаем в своих надеждах на учебно-методическое воздействие этой книги.

*А. П. Власкин, д-р филол. наук,
проф. Магнитогорского университета*

И еще раз о названии «Чевенгур»

Совсем недавно в журнале «Русская словесность» промелькнула статья М. Ю. Михеева с совершенно неудоваримым названием: «Че[в]-вен[г]-гур-[т]. О смысле названия романа А. Платонова»¹. Автор статьи, не заглянув в святцы, бухнул во все колокола. Хотя статья и содержит подзаголовок «Этимологический этюд», но к этимологии она никакого отношения не имеет. Это скорее этюд, написанный в лучших традициях академика Н. Я. Марра. Во-первых, автор дает несколько «этимологических» вариантов прочтений названия *Чевенгур*, что для профессионалов-этимологов является четким знаком отсутствия этимологического решения в заданных параметрах. Во-вторых, этимоны, которые (по фрагментам!) во множестве предлагает М. Ю. Михеев (*гур* — 'индюк, болтать', *ч-в-н* — 'чванный', *чева* — 'лапоть' и т.д. и т.п.), совершенно не приемлемы для образной системы и поэтики А. Платонова. Интересно, как бы М. Ю. Михеев объяснил еще и этимоны «йогурт» или «гурт», если бы они пришли ему в голову, ведь концовку названия он так и подает: - гур<т>.

Еще раньше незадачливого автора платоновских «этимологий» высказался литературовед из Ульяновска А. А. Дырдин. Не отрицая михеевских «достижений», он вносит и свою «этимологическую» лепту: «Может быть, «Чевенгур» представляет собой связку старославянского слова «чеван» («смешанный») из Откровения (14, 10) с именем библейского Гура (Ура) на Евфрате — города Вавилонской башни и «смешения языков»?»². Обратимся к наиболее авторитетному словарю старославянского языка — в нем нет слова «чеван», а есть только чъванъ, т.е. то самое слово, которое потом в русском языке дало «жбан» (Старославянский словарь (по рукописям X—XI веков). М., 1994. С. 786).

Правда, А. А. Дырдин в докторской диссертации несколько изменил свою же «этимологию»: «К важным выводам приводит анализ заглавия самого большого текста Платонова. Его название созвучно с именем мифической птицы из духовного стиха о Егории Храбром (Черногар), а также напоминает о библейском Гуре (Уре)»³. Как видим, придумывать можно до бесконечности.

Не очень далеко от М. Ю. Михеева и А. А. Дырдина ушел и Д. Н. Замятин. В статье с захватывающим (в стиле блокба-стеров) заголовком «Империя пространства: географические образы в романе А. П. Платонова «Чевенгур» ни о какой географии нет и речи⁴. Есть лишь перечисление работ, которые в той или иной степени (по мнению автора) касаются данной темы, а также пустейшие рассуждения о якобы новой географии, открытой А. Платоновым. Автор даже не удосужился соединить географические данные платоновского «Чевенгура» с одной из платоновских же профессий — мелиоратора. Тогда пришлось бы без демагогий рассматривать довольно реальные пустыни и степи, города и села «Чевенгура».

К сожалению, как полагает авторитетнейший исследователь творчества А. П. Платонова Н. В. Корниенко, «полностью отсутствуют книжки (записные книжки А. П. Платонова. — Г. К.) к «чевенгурскому» периоду творчества писателя: к повестям 1926—1927 гг. и роману «Чевенгур»⁵. Однако неплохо было бы авторам таких с позволения скатать «этимологий» обратиться не к закордонным рассуждениям Е. Толстой-Сегал относительно того, что «.....звукообраз Чевенгур — это звуковой слепок Петербурга, данный в тюркском, азиатском звуковом материале»⁶, а хотя бы к работам О. Г. Ласунского и О. Ю. Алейникова.

Блестящий мастер анализа книговедческих данных О. Г. Ласунский в поиске источников слова «Чевенгур» идет от фонетически близких местных (воронежских) географических названий, которые могли бы навеять писателю фантастическое имя «Чевенгур»: «Писатель придумал действительно выразительное и, главное, очень «воронежское» название. Филологи уже отмечали звуковую переключку между «Чевенгуром» с его опорным «ч» и «р» и другими местными наименованиями: Чагары, Кучугуры, Карачун, Карачан (по соседству — Чигорак), Байчурово и др. Но ни один из этих населенных пунктов не являлся уездным центром. Единственным претендентом на роль чевенгурского «прототипа» может служить Богучар. <...> Стоит обратить внимание и

на то обстоятельство, что «уездная речка» Чевенгурка вполне соответствует подлинной Богучарке, притоку Дона»⁷. О. Г. Ласунский приводит и еще несколько неоспоримых доводов в пользу Богучара, как прототипа Чевенгура^{7а}. И, думается, наш выдающийся библиофил здесь абсолютно прав. Ведь аналогично названию *Чевенгур* А. Платонов изыскал формы названий и для городов в «Городе Градове»: областной город *Градов* (Тамбов) и областной город *Ворожеев* (Воронеж).

Однако кроме прототипа необходим еще и протооним, т.е. лексический прототип. И здесь роль Богучара уже второстепенна.

Пожалуй, ближе всех подошел к разгадке названия «Чевенгур» литературовед О. Ю. Алейников: «Если предположить, что таинственное название — это авторская аббревиатура, то расшифровать ее можно, не исключая, разумеется, вариантов и с поправкой на замаскированную усмешку писателя, как ЧеВЕНГУР — Чрезвычайный Военный Непобедимый (Независимый) Героический Укрепленный Район, как ни комично, на первый взгляд, такое предположение. Но эта аббревиатура составлена с учетом расхожих в пореволюционные времена словообразовательных моделей, тяготевших «к образованию слов по произношению начальных слогов или начальных букв нескольких слогов» (А. М. Селищев)⁸. И, действительно, если проанализировать лексику, составляющую данную гипотетическую аббревиатуру, то мы придем к выводу, что все эти слова активно употреблялись не только в соответствующую эпоху, но и в самом творчестве А. Платонова. Необходимо отметить, что до наших дней дошла аббревиатура «ур» — укрепленный район, укрепрайон (Алексеев Д. И., Гозман И. Г., Сахаров Г. В. Словарь сокращений русского языка. М., 1983. С. 372.). Правда, она была «подновлена» годами второй мировой войны (1939—1945 гг.).

Вообще не столько для А. Платонова, сколько в целом для революционной эпохи и послереволюционной времени было характерно чрезмерное употребление аббревиатур как выражения новыми словами новой действительности.

Вот и у А. Платонова встречается очерк с весьма показательным названием «ЧЕ-ЧЕ-О» (1928 г.). Интересно, что сам же автор и прокомментировал значение этого названия: «Надо объяснить заглавие организационно-философских наших очерков. Были мы, изучали мы в ЦЧО — в Центрально-Черноземной области, вновь организующейся. ЧЕ-ЧЕ-О по воронежскому говору выговорить трудно, — говорят ЧЕ-ЧЕ-О» (Платонов А. ЧЕ-

ЧЕ-О. Воронеж, 1999. С. 304). В этом же очерке автор обращает внимание и на другие советские аббревиатуры: «Город и историю его мы изучали пешком. Все вывески, где раньше было «губ.», теперь перекрашены на «обл.» (там же). Или: «Трамвай — совершенно, как в Москве, только разница в букве В: ВКХ — вместо МКХ. На одиннадцать трамваев имеется двадцать семь человек контролеров — девять человек от ГЖД, остальные от горсовета и прочих учреждений» (там же). И вообще А. Платонов настолько часто употреблял аббревиатуры, что Н. В. Корниенко для его «Записных книжек» пришлось перед Комментариями поместить раздел «Аббревиатуры и сокращения, встречающиеся в записных книжках» (*Платонов А. П. Записные книжки. Материалы к биографии. М., 2000. С. 311—313*). Ведь современному читателю ни за что не догадаться, что ОКРИК — окружной исполнительный комитет, а СТАЗра — станция защиты растений (там же, с. 47).

Интеллигенция того времени и возмущалась наводнением аббревиатур, и пыталась горько шутить. М. И. Цветаева приводит одну из шуток того времени (возможно, где-то услышанную), в которой обыгрывались столь любимые большевиками аббревиатуры: «Замком по морде (*ЗАМ*еститель *КОМ*мисара *ПО* *МО*Рским *ДЕ*лам)»⁹.

М. М. Пришвин также отмечал излишества с аббревиацией, помноженные на воинствующее бескультурье. Аббревиатуры в то время стали не просто лексическим явлением, а способом мышления. Вот дневниковая запись М. М. Пришвина от 1 января 1934 г.: «Входит во двор здоровенная девица.

— Вы Литер Атор? — спросила она.

— Я сам.

И она пригласила меня читать на вечере Куркрола при МТП.

— Не знаю, — сказал я, — не понимаю даже, что значит Куркрол.

— Товарищ Атор, — изумилась она, — как же так вы не знаете: Куркрол — это курсы кролиководства.

Такие вот бывают недоразумения с этими сокращениями постоянно»¹⁰.

Интересно, что тот же М. М. Пришвин, перерабатывая свою книгу о Беломорканале — одном из первых и безобразнейших порождений чекистского ГУЛАГа, сделал важное замечание: «Мне снилось, будто мать в присутствии Ляли спросила меня, что я теперь буду писать.

— О невидимом граде, — ответил я»^{10а}. Эта ассоциация явно

перекликается с тем же неприступным и невидимым градом Чевенгуром А. Платонова.

Итак, рассмотрев все варианты, можно прийти к следующему выводу: название «Чевенгур» у А. Платонова — авторская аббревиатура, звуковая оболочка которой сформировалась, с одной стороны, под влиянием местных географических названий и, с другой — под влиянием революционного распространения новых слов-аббревиатур. Думается, что за этой аббревиатурой скрывается мощная порция авторской иронии. И уж, конечно же, ни к Петербургу, ни к вымышленным М. Ю. Михеевым и А. А. Дырдиным этимонам платоновское название «Чевенгур» не имеет абсолютно никакого отношения.

¹ Михеев М. Ю. Че[в]-вен[г]-гур[т]. О смысле названия романа А. Платонова. Этимологический этюд // Русская словесность. 2001. № 7. С. 63—68.

² Дырдин А. А. Потаенный мыслитель. Ульяновск, 2000. С. 56.

³ Дырдин А. А. Русская философская проза после 1917 года: А. П. Платонов, М. М. Пришвин, Л. М. Леонов (символика мысли): Автореф. дис..... д-ра филол. наук. Саратов, 2002. С. 18.

⁴ Замятин Д. Н. Империя пространства: Географические образы в романе А. П. Платонова «Чевенгур» // Филологические науки. 2001. № 1. С. 14—23.

⁵ Корниенко Н. В. Примечания // А. П. Платонов. Записные книжки: Материалы к биографии. М., 2000. С. 309.

⁶ Толстая-Сегал Е. Литературный материал в прозе А. Платонова // Возьми на радость. Amsterdam, 1980. С. 195.

⁷ Ласунский О. Г. Житель родного города: Воронежские годы Андрея Платонова. Воронеж, 1999. С. 247. ^{7а} С. 247.

⁸ Алейников О. Ю. На подступах к «Чевенгуру»: (Об одном из возможных источников названия) // Филологические записки. Воронеж, 1999. Вып. 13. С. 182.

⁹ Цветаева М. И. Неизданное. М., 1997. С. 71.

¹⁰ Пришвин М. М. Собр. соч.: В 8 т. М., 1986. Т. 8. С. 256—257; ^{10а} С. 514.

Г. Ф. Ковалев

В поисках утраченного единства...

Борисова Н. В. Жизнь мифа в творчестве М. М. Пришвина: Монография. Елец: ЕГУ им. Бунина, 2001.

В традиционном литературоведении достаточно прочно утвердилась мысль о Пришвине как о писателе-реалисте, умевшем сочетать в своем творчестве естественнонаучную мысль и народную сказку. Его обширные познания в области этнографии,